

Туулиikki Курки

Локальная, внелокальная или полилокальная литература? Финноязычная литература в Карелии во второй половине XX – начале XXI века

Фон исследования

Финноязычная литература Карелии с позиций мирового литературного процесса представляется маргинальным и малозначительным явлением, носящим локальный характер. Говорящее по-фински население представляло собой в Карелии меньшинство; литературная и издательская деятельность на финском языке были сосредоточены на очень ограниченной территории СССР¹. На протяжении всего времени своего существования, с начала 1920-х гг. до XXI в., финская литература оставалась литературой языкового меньшинства. В соответствии с данными переписи населения 2002 г., все население Карелии составляло около 700 тыс. чел., тогда как финноязычных жителей насчитывалось всего 22,8 тыс. чел.² Финноязычную литературу с некоторой долей условности можно сравнить с литературой на языках народов СССР, хотя следует сделать оговорку, что финский не являлся родным языком наиболее крупных писателей Карелии. На характер этого литературного явления, а также на его восприятие оказало влияние приграничное расположение Карелии, где за исключением отдельных периодов шло активное трансграничное взаимодействие как на уровне социальных институтов, так и на обычном бытовом уровне. Кроме того, на протяжении длительного времени эта территория была объектом территориальных и культурных споров, да и поныне она составляет предмет политических, культурных, исследовательских и туристических интересов для представителей обеих сторон³. Для кого-то финноязычная литература Карелии может

¹ *Jalava A.* Kansallisuus kadoksissa Neuvosto-Karjalan suomenkielisen epiikan kehitys. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, 1990. S. 15–16; *Kurki T.* Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // *Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M.* (eds.). Texts and Communities. Helsinki, 2007.

² Финно-угорские и самодийские народы России: статистический сборник / Ред. В. П. Марков. Сыктывкар, 2006. С. 143.

³ *Paasi A.* The Changing Meanings of the Finnish-Russian Border // *Eskelinen H., Oksa J., Austin D.* (eds.). Russian Karelia in Search of a New Role. Joensuu, 1994. С. 26–40.

показаться до некоторой степени окраинным продуктом литературы Финляндии: ведь их язык примерно один и тот же, и они связаны давними взаимоотношениями и общей историей, особенно на этапе становления литературы в Карелии в 1920-е гг., а также в период 1960-х¹.

В статье представлены размышления о том, можно ли о финноязычной литературе говорить как о локальной, и если да, то в какой степени. Не разрушится ли эта «локальность», если взглянуть на нее более пристально? Следует также помнить, что финноязычная литература, будучи одной из составляющих советской литературы, подчинялась общим законам и тенденциям. Локальность литературы можно оценивать с разных точек зрения. Она может проявляться, к примеру, в виде языковых особенностей, стиля или привязки сюжетных линий произведений к событиям местной истории и эпизодам из жизни реальных людей. Автор рассматривает локальность, с одной стороны, с точки зрения территориально ограниченной литературы, с другой стороны, понимает ее как сконструированную – т. е. сформировавшуюся при написании и при чтении². Далее будут представлены некоторые трансформации понятия «локальность», которые проникли в литературный дискурс постсоветского периода.

Используя термин *локальность*, автор апеллирует к достаточно популярным с 1990-х гг. определениям *места/локуса*, принятым в сфере культурно-антропологических и гуманитарных исследований³. В социологических и гуманитарных исследованиях *локус* понимается в том числе и как локальность (англ. locale), т. е. как своеобразное обрамление будничных занятий и социальных взаимоотношений, с точки зрения восприятия и соотнесенности с местом, а также как релятивистский, многоголосый концепт, который для его жителей оказывается по-разному значимым⁴. В статье автор обращается также к нарративной стороне *локуса* и локальности. На *локус* и локальность можно взглянуть и как на некие конструкции, параллельные нарративы, связанные с местами, которые могут противоречить друг другу и конкурировать между собой. Таким образом, *локусы* не только содер-

¹ Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Kuhmo; Petroskoi, 2004.

² См. также: Kurki T. Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M. (eds.). Op. cit.

³ Agnew J. A., Duncan J. S. Introduction // Agnew J. A., Duncan J. S. (eds.). The Power of Place. Bringing together geographical and sociological imaginations. London, 1989.

⁴ Rodman M. C. Empowering Place: Multilocality and Multivocality // Low S. M., Lawrence-Zúñiga D. (eds.). Anthropology of Space and Place. Locating Culture. Malden, Oxford, Victoria, 2005. P. 206–212; Hakamies P. Introduction // Hakamies P. (ed.). Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness. Helsinki, 2005.

жаты в нарративах, они сами по себе являются созданными, зафиксированными и воспринятыми нарративами¹. В таком понимании *локус* и локальность представляют собой многомерные социальные конструкции, в которых за физической территорией закрепляются политические, культурные и социальные континуумы.

С формированием локальности связан также вопрос власти, который в истории советской Карелии очень любопытен и привлекателен для исследователя. Локальность всегда предполагает некий отбор и с определенной точки зрения конструирование, когда отдельные черты культуры отбираются для репрезентации локальности, а все другие оказываются исключенными из круга этой выстроенной и поддерживаемой локальности². Локальность всегда относительна, поскольку она поддерживается в отношении чего-либо центрального или общего. И потому локальность всегда способна распадаться на более мелкие составляющие.

Финноязычные писатели Карелии

Литературная деятельность первого поколения писателей Карелии, чье творчество осуществлялось на финском языке, началась в 1920-х гг. Это поколение составили карелы, ингерманландцы, а также финские иммигранты, приехавшие из Финляндии и США. Большинство финских писателей-иммигрантов прибыло в Карелию после гражданской войны 1918 г. и позднее, в 20–30-е гг. Переселение ингерманландцев со своих территорий началось в 1920-е гг. Вновь созданную карельскую автономию возглавили финские политические эмигранты. В языковом отношении они отдавали предпочтение финскому языку и использовали его как одно из средств политики финнизации в Карелии³.

В 1930-е гг. произошло ужесточение национальной политики СССР. В конце десятилетия в результате репрессий, направленных против представителей малых национальностей, литературная деятельность на финском языке была прекращена. Финский язык утратил свой официальный статус, в употребление был введен карельский язык. Финское политическое руководство Карелии также было смещено. Многие писатели, финны, карелы и ингерманландцы по

¹ Low S. M., Lawrence-Zúciga D. Locating Culture // Low S. M., Lawrence-Zúciga D. (eds.). Op. cit. P. 16–20.

² Bhabha H. The Location of Culture. London; New York, 2007. P. 2.

³ Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004. S. 255.

рождению, стали жертвами политических репрессий. Однако финскому языку довольно быстро был возвращен статус второго литературного языка, после того как в 1940 г. была создана Карело-Финская Советская Социалистическая Республика¹. Так же быстро возродилась и издательская деятельность. Например, в 1940 г. начал выходить финноязычный литературный журнал «Пуналиппу». Его издание прервала Вторая мировая война, но выпуск журнала возобновился в 1946 г. Следующее кардинальное изменение положения финского языка было связано с понижением статуса республики до автономии в 1956 г., вместе с чем финский язык ушел из официальной сферы. На этот раз уже окончательно.

По тематике, национальному духу и этнокультурной составляющей начальный период финноязычной литературной деятельности характеризуется как более гетерогенный, нежели период после Второй мировой войны. По мнению Майи Пахомовой, писатели-иммигранты находились под влиянием раннего финского реализма и рабоче-крестьянской литературы². Вместе с писателями-карелами они создали основу для развития литературы Карелии. Безусловно, русскоязычная проза также не могла не оказать влияния на еще только формирующуюся литературу. Пестрый состав писательского сообщества и разные культурные исходные позиции сказывались и на выборе тематики произведений. Эйно Карху подтверждает, что тема Карелии была наиболее близкой для писателей-карел, тогда как ингерманландцы предпочитали писать о своем родном крае, а финны чаще затрагивали вопросы рабочего движения в Финляндии и гражданской войны 1918 г.³

После Второй мировой войны финноязычную литературу Карелии пришлось по сути создавать заново, поскольку в результате репрессий и войны из предыдущего писательского поколения мало кто уцелел. С конца 1940-х гг. на вершине литературной популярности в Карелии оказались писатели-карелы: Николай Яккола, Яакко Ругоев, Пекка Пертту и Антти Тимонен, последний из которых вскоре стал председателем Союза писателей Карелии. В последующие десятилетия одними из центральных фигур в литературе Карелии стали также ингерманландские писатели и поэты: Пекка Мутанен, Унелма Конкка, Матти Мазаев и Армас Хийри (Олег Мишин), а также финны по происхождению: Урхо Руханен, Ульяс Викстрем, Йюуко Корхонен, Тайсто

¹ *Ylikangas M.* Op cit. S. 445–448.

² *Pahomova M.* Karjalaiset tekijät tasavaltamme kirjallisuudessa // Punalippu. 1982. N 12. S. 100.

³ *Карху Э. Г.* Финляндская литература и Россия. М.; Л., 1964. С. 6–142.

Сумманен и Тайсто Хуусконен. Таким образом, финноязычную литературу Карелии представляла очень неоднородная в этническом и культурном отношении группа писателей, состоявшая из карел, ингерманландцев и финнов. В сравнении с первым писательским поколением представители второго поколения были уже в основном профессиональными литераторами и являлись членами Карельского регионального отделения Союза писателей. Однако число тех, кто пользовался финским языком, свободно писал и читал тексты на нем, было небольшим¹. В 1960–1980-х гг. число членов Регионального отделения Союза писателей, пишущих на финском языке, едва достигало 20 человек². Это было закономерным следствием того, что в 1950-е гг. в Карелии уже практически была ликвидирована сколько-нибудь приемлемая для финского языка «среда обитания». По словам писателя Матти Мазаева, в 1960-е гг. писавшие по-фински могли пользоваться языком только в общении между собой, другой возможности применения финского языка не было³.

Потенциальная читательская финноязычная аудитория тоже была немногочисленна, неоднородна и, кроме того, рассеяна по довольно обширной территории. О количестве потенциальных читателей в Карелии говорит тот факт, что в послевоенный период тиражи произведений на финском языке достигали нескольких тысяч экземпляров. Об этом же свидетельствует тираж литературного журнала «Пуналиппу». В 1950–1960-е гг. он достигал 5000 экземпляров, половина из которых отсылалась в Финляндию⁴. Численность финноязычных читателей резко сократилась в конце XX – начале XXI в. По оценке писателя Арви Пертту, данной в 1994 г., количество читателей финноязычной литературы в Карелии едва ли превышало несколько сотен человек, среди которых преобладали пенсионеры и изучающие язык школьники⁵.

В 1950–1980-е гг. произведения, признанные лучшими, переводились на русский язык и языки других советских народов. Тиражи русскоязычных книг были несопоставимо большими, чем финноязычных, доходя до десятков, а иногда и до сотен тысяч экземпляров. Это и понятно: по-русски читали гораздо больше, нежели по-фински⁶. Однако самые выдающиеся произведения финноязычной литературы

¹ Kurki T. Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // *Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M.* (eds.). Op. cit. P. 40–42.

² Mazajev M. Satakymmenen elämäkertaa // *Carelia*. 1998. N 12. S. 86–87.

³ Hännikäinen I. Kerro mulle tarina // *Carelia*. 2001. N 4. S. 76–82.

⁴ Письмо Ульяса Викстрёма Вили Бергману // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1075, оп. 2, д. 202.

⁵ Perttu P. Op. cit. S. 87–91.

⁶ Интервью 16.4.2007.

переводились даже на другие европейские языки, такие как английский и испанский. Например, роман Антти Тимонена «Родными тропами» в 1959 г. был издан на русском языке тиражом 75 тыс., а в 1960 г. переиздан уже в объеме 115 тыс. экземпляров¹. Произведение А. Тимонена «Белокрылая птица» в 1961 г. в переводе на русский язык издано тиражом 100 тыс., в переводе на эстонский язык — 30 тыс. книг². Охотно читали эти произведения и в Финляндии, где литературу из Советского Союза начали активно распространять начиная с 1960-х гг. Антти Тимонен, в течение долгого времени являвшийся председателем Союза писателей Советской Карелии, с начала 1960-х гг. поддерживал тесные связи с финскими писателями, любителями литературы и издательствами литературных журналов. Переписка и личные встречи способствовали распространению литературы. А. Тимонен получал письма с откликами на произведения карельских писателей как от советских читателей, так и от финской читающей аудитории³.

Несмотря на то что финский язык был в Карелии языком меньшинства и не имел естественной среды использования, финноязычная литературная деятельность была довольно активна вплоть до конца 1980-х гг. Она была довольно локальна в том смысле, что профессиональная писательская и издательская деятельность были в основном сосредоточены в Петрозаводске, где были расположены редакции основных газет, Союз писателей и издательства. С 1950-х по 1980-е гг. в обществе о финноязычной литературной жизни Карелии сложилось представление как о довольно однородном явлении: это была литература Карелии, существовавшая как на русском, так и на финском языке. Ее развитию способствовал национально-политический курс СССР, в рамках которого государство поддерживало мероприятия по сохранению местных национальных языков, литературы и форм культуры, наряду с активной поддержкой русской культуры.

Крах локальности и единства

В 1991 г. распался Союз советских писателей, одновременно разрушилось представление об однородности литературы и развеялся так называемый «миф о карельской литературе»⁴, понимаемый нами как

¹ Письмо Антти Тимонена Антти Сеппе 5.10.1959 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202; Письмо Антти Тимонена Тойво Карвонену 1.1.1961 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

² Письмо Антти Тимонена Сайми и Антти Хейнонен 17.10.1962 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

³ НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

⁴ *Perttu A. Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta. Mietteitä Karjalan suomenkielisestä sanataiteesta Suomen kirjallisuuden osana* // Carelia. 1994. N 1. S. 87–91.

репрезентация некоего единообразия в литературе, достижение которого осуществляется в соответствии с установками языковой и национальной политики. Однако за этим единообразием стоял многоголосый и разнообразный ряд литератур, гетерогенность которого стала очевидной лишь по окончании советского периода. В 1993 г. на руинах бывшего Союза писателей оформились две организации. Наследником прежнего союза стало Карельское отделение Союза писателей Российской Федерации, параллельно с которым был еще создан Союз писателей Карелии¹. В последующий период времени литературная площадка продолжила дробиться. Помимо уже упомянутых на этом поприще параллельно существует небольшая писательская группа, переместившаяся в Москву, а также функционирующее с 1998 г. Объединение писателей, пишущих на карельском языке, — «Карьялайне Сана»². Определенным свидетельством разрозненности было также и то, что в 1990–2000-е гг. публиковались статьи с размышлениями писателей о том, частью какой литературы является финноязычная карельская литература: собственно Карелии, России или Финляндии. Или она скорее относится, как и ряд других, к группе миноритарных литератур мира?³

Сейчас в Карелии активно работают 3–5 писателей, пишущих на финском языке (к их числу автор статьи относит лишь тех, кто публикует самостоятельные художественные произведения и является членом Союза писателей. В Карелии наверняка найдутся и другие авторы, пишущие, к примеру, статьи или тексты для газет и сборников произведений). Из современных писателей Матти Мазаев (род. в 1926 г.) и Армас Хийри (род. в 1935 г.) являются представителями того поколения писателей, которые начали свою деятельность приблизительно в середине XX в. Более молодое писательское поколение представляют Э. Якобсон (он же Евгений Богданов), Аниса Кеттунен и Кристина Коротких. Между этими двумя поколениями писателей существует своего рода демографический разрыв, так как представители «среднего поколения», такие как Тойво Флинк, Арви Пертту и другие, покинули Карелию и продолжили свою писательскую карьеру в Финляндии. Однако некоторые из них не утратили связи с карельской литературой.

¹ *Öispuu J.* Runoista romaaneihin: Karjalaisuutta ja karjalankielistä kirjallisuutta Karjalassa. Tallinna, 2006. S. 16.

² *Ibid.*

³ См.: *Perttu A.* Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta... S. 87–91; *Perttu A.* Pohjanla kirjailijat liittykää yhteen // *Carelia*. 1996. N 4. S. 81–84; *Kolomainen R.* Arvi Perttu — Karjalan kirjallisuuden ”puuttuva rengas” // *Carelia*. 1998. N 12. S. 89–93; *Kolomainen R.* Luova kirjoittaminen — vähemmistökielen elinehto // *Carelia*. 2001. N 2. S. 3–5.

В первые годы XXI в. литература Карелии приобрела некоторые новые интересные черты. Сейчас, к примеру, большую часть статей, публикуемых в литературном журнале «Carelia», составляют переводы русскоязычных текстов. На литературной арене появляются молодые писатели, у которых финский язык является выученным, но они избрали его средством своего художественного выражения. Будущее покажет, составит ли эта молодежь новое писательское поколение (в отличие от прежних не так тесно связанное с финским языком), представители которого по профессиональным или другим причинам выучили язык и решили использовать его в своем творчестве. Для молодого поколения авторов издание произведений на финском языке имеет иную культурную ценность и особое значение, отличное от целей и представлений предшествующих поколений писателей.

В постсоветский период границы литературы Карелии изменились: в настоящее время литературный процесс Карелии строится на взаимодействии русскоязычной и карелоязычной литературы Карелии, литературы России и Финляндии, осуществляются контакты с малыми литературами других национальных меньшинств в самых широких географических пределах, а также с литературами северных регионов. Говоря о функциональном аспекте проблемы, следует отметить, что финская сторона, и в первую очередь общество «Юминкео» (г. Кухмо, Финляндия), принимает активное участие в переиздании избранных произведений карельской литературы. В 2002 г. совместно с Государственным комитетом по делам национальной политики РК общество приступило к подготовке и выпуску серии «Классики карельской литературы». Это сотрудничество, в свою очередь, оказывает влияние на то, какая именно «локальность» или «локальности» вовлекаются в современный литературный процесс.

К новым локальным проявлениям, которые появились и получили поддержку в карельской литературе в XXI в. и с которыми в тесной связи она развивается, можно отнести также литературу других национальностей постсоветского пространства, а также все другие литературы языковых и этнических меньшинств. К примеру, Э. Якобсон (Евгений Богданов), представляющий молодое поколение поэтов, обращается к этнофутуризму, основной задачей которого является встраивание собственного национального культурного генома в современные условия, что может способствовать сохранению малых национальностей и исчезающих языков¹. Это движение распространя-

¹ *Õispuu J.* Op. cit. S. 20.

лось в молодежной интеллигентской среде от Прибалтики до Урала¹. Конкретная сеть, в которую оказались вовлечены представители карельской литературы в постсоветский период, создавшие отдельные виртуальные локальности, это сеть писателей Баренц-региона². Кроме того, довольно активно работает сеть финно-угорских писателей, которая в 2006 г. провела в Петрозаводске съезд своих членов.

С точки зрения региональности финноязычная литература Карелии в конце XX – начале XXI в. как будто бы утратила свою территориальную привязку. Писатели оказались разрознены и разобщены между собой как в смысле связи поколений, так и в географическом отношении. Все это привело к такой же ситуации, которая сложилась во многих других локальных объединениях вне зависимости от границ и языков.

Запечатленная локальность

Во второй половине XX в. одним из основных понятий в литературе было понятие местного колорита. В советский период локальный колорит указывал на типичные (даже уникальные), свойственные конкретной национальности художественные средства выражения, языковые и стилистические особенности, а также тематику³. В соответствии с разработанными программами по литературе эти местные черты, свойственные каждой национальности советского государства, должны были обогатить советскую литературу и искусство в целом. Местный колорит финноязычной литературы Карелии явно нес на себе отпечаток северной устной традиции Беломорской Карелии: калевальский фольклор и эпические песни, а также карельский язык, на котором говорили в Беломорской Карелии. Работая в рамках метода социалистического реализма, писатели должны были ездить в экспедиции по деревням и заводам, чтобы собранный там материал помог придать их произведениям более достоверный местный колорит. Но в какой степени деревни и исторические события, описанные в литературе, можно назвать местными (локальными), когда все это представляется как часть некоей целостности советской литературы?

¹ *Saxell J.* Etnofuturismi elvyttää. *Yliopisto-lehti*. 2002. N 16 (URL: http://yliopistolehti.helsinki.fi/2002_16/).

² *Perttu A.* Pohjolan kirjailijat liittyykää yhteen.

³ *Elämän vaatimusten tasolle* // *Punalippu*. 1954. N 3. S. 6–7; *Jaakkola N.* Eräistä karjalais-suomalaisen kirjallisuuden ja kirjallisuusarvostelun kysymyksistä // *Punalippu*. 1955. N 4. S. 135–136; *Mišin Armas.* Kansanrunous ja nykyrunous // *Punalippu*. 1974. N 5. S. 91–94.

Многие писатели-карелы были родом из северных деревень Беломорской Карелии. Они привнесли свой жизненный опыт и традиции в финноязычную литературу Карелии. Рост литературной популярности писателей именно из Беломорской Карелии объяснялся тем, что диалект, на котором говорили в Беломорской Карелии, больше других диалектов был близок к финскому языку, что облегчало освоение этими писателями финского языка для использования его в качестве средства художественного выражения¹. Хотя на литературном поприще трудились писатели, представляющие разные культурные контексты и разные регионы, в публичных разговорах о литературе основы финноязычной литературы Карелии связывались с устной традицией Беломорской Карелии. Кроме того, литературные журналы и пресса называли писателей из Беломорской Карелии теми, кто переносит устную поэтическую традицию калевальского стиха и эпические песни в письменную художественную форму². Например, в 1967 г. писатель Антти Тимонен представил свои размышления о взаимосвязях «Калевалы», устной поэзии и литературы советской Карелии на семинаре по фольклору в университете г. Йоэнсуу. По его мнению, устное народное творчество и поэзия являются существенной составляющей родины и менталитета северокарельских писателей, которая оказала заметное влияние и на развитие литературы: «Ухта, Войница, Вокнаволок, Юшкозеро, Паанаярви, Хайколя, Рехо, Луусалми и т. д. (я называю самые крупные деревни) на протяжении долгого времени были и остаются сокровищницей, полной стихов, сказок, ёйг, плачей, пословиц, загадок, легенд (преданий)... Родом из песенного края Калевалы и современные финноязычные писатели Карелии... Мы относимся к той возрастной группе карельских финноязычных писателей, чье детство прошло в атмосфере сказок, калевальских стихов и других фольклорных жанров. „Калевалу“ нам не преподавали в школе, она осталась у нас в душе точно так же, как родной край, знакомые тропинки и березы на берегу»³.

Связь литературы (художественной культуры) с народной традицией носила отчасти исторический характер, но отчасти была искусственно создана в советском искусстве и была важна по идеологическим причинам. Связь советской литературы и искусства с народом была существенной особенностью в определении литературы и искусства, точно так же, как и партийность литературы и искусства, т. е.

¹ *Tšikina N.* Karjalankielisen kirjallisuuden nykytila // *Carelia*. 2006. N 12. S. 100.

² *Pahomova M.* Op. cit. S. 100.

³ Антти Тимонен, выступление на семинаре по сотрудничеству в университете Йоэнсуу в 1967 г. // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 123.

зависимость от господствовавшей в определенный период времени идеологии (народность, партийность)¹. Степень местного колорита в литературе определялась и контролировалась политическим течением в литературе и шире – национальной политикой. Локальность строилась в тесной связи с общим (общесоветским), и ее проявление в литературе и искусстве тоже контролировалось «центром». В целом описания событий локальной истории и особенностей народной жизни должны были стать частью большого повествования о советской истории и рассказа о советском обществе и культуре, соответственно, далеко не все что угодно должно было отразиться в литературе².

На практике в публичных обсуждениях литературы избранные элементы устной традиции Беломорской Карелии, такие как калевальская поэзия и эпические песни, стали выразителями локальности в финноязычной литературе Карелии и даже более – ее основополагающими элементами. Как заметил Э. Г. Карху в предисловии к «Сказанию о карелах» (*Karjalainen tarina*) Яакко Ругоева, «одной из особенностей всех упомянутых карельских писателей, и в том числе Яакко Ругоева, является то, что их творчество тесно связано с жизнью народа и устными преданиями родного края. Они писали о своих земляках, их прошлом и настоящем, образе жизни и испытаниях, выпавших на их долю.

Читатель ощущает в произведении прочную связь автора с жизнью и фольклором своего народа... Произведение очень близко к эпическому жанру, „Калевале“, народной героической поэзии. Такая эпичность возможна лишь на относительно раннем этапе развития национальной поэзии. Молодая карельская литература пережила этот этап в послевоенное десятилетие. Тогда по сути только зарождались эпические жанры, и их близость к народному эпосу была естественной»³.

Публикуемая в послевоенный период советская проза и поэзия являлись локальной литературой в том смысле, что основной писательский состав, ставший ее создателем, был родом с довольно ограниченной территории в Беломорской Карелии. Деревни и события (даже вымышленные) большинства произведений тоже зачастую локализируются в Беломорской Карелии. Локальность, следовательно, становится объектом изображения и повествования. Диалоги персонажей произведений тоже строятся в основном на разговорном языке Беломорской Карелии. Кроме того, язык, которым пользовались

¹ Hingley R. Russian Writers and Soviet Society 1917–1978. London, 1979. P. 199.

² Kurki T. Neuvostohistorian ja paikallisuuden tulkinnat Neuvosto-Karjalan proosassa // Kulttuurintutkimus. 2006. N 2. S. 39–49.

³ Karhu E. Esipuhe // Rugojev J. Karjalainen tarina. Petroskoi, 1975. S. V–VI.

писатели, был так называемым «местным» финским, который называют петрозаводским финским языком, и языком, который отличается от современного финского языка и лексически, и стилистически. Литература являлась нелокальной в том смысле, что деревни и районы, которые описывались в произведениях, были вымышленными, хотя их прообразы прочитываются между строк. Кроме того, проявление локальности регулировалось общими законами советской литературы. Язык тоже носил нелокальный характер, потому что никто по-настоящему не говорил на том языке, на котором говорили герои произведений карельской финноязычной литературы¹.

Новое прочтение локальности в XXI в.

Локальность в литературе в 90-е гг. XX в. и начале XXI в., естественно, представлена более многосложно и разрозненно, нежели в предшествовавшие этому периоду десятилетия. Сейчас голоса, оказывающие определенное влияние на формирование локальности, стали слышны гораздо отчетливее, и это несмотря на то, количество писателей сократилось кратно. Сегодня они несинхронны и опираются на разные дискурсивные традиции.

Одинаковую структуру локальности в литературе формируют переизданные произведения, впервые опубликованные в советское время: «*Kotikunnan tarina*» (Родичи) (2002) Ортъе Степанова, «*Kivenä koskessa*» (Камень в пороге) (2003) Яакко Ругоева, «*Väinämöisen venehen jälki*» (След лодки Вяйнямейнена) (2004) Пекки Пертту, «*Pirttijärven rantamilla*» (На берегах Пирттиярви) (2005) Николая Яккола и «*Huökyäallon harjalla*» (На гребне волны) (2006) Николая Лайне. Они поддерживают образ аграрной локальности, территориально соотносимой с Беломорской Карелией и прочно связанной с прошлым, а также с северокарельской устной фольклорной традицией. И хотя произведения созданы в советскую эпоху, с соблюдением всех идеологических требований того времени, они воспринимаются читателями как своеобразная квинтэссенция карельской культуры и образа жизни. Следовательно, локальность строится еще и на восприятии произведений, а сейчас толкование текста оторвалось от дискурсов, из которых складывалась локальность советского периода. Действительно, публичные высказывания о значении произведений, формирующих локальную историю и культуру, начинают появляться со вто-

¹ *Perttu A. Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta...; Pronina G. Olemmeko keksimässä uutta kieltä? // Punalippu. 1986. N 4. S. 124–125.*

рой половины 1960-х – начала 1970-х гг.¹ Например, молодая исследовательница литературы Наталья Чикина пишет, что в коллективной монографии «Карелы КАССР», вышедшей в 1983 г., имя Н. Яккола упоминается именно в связи с тем, что в своем произведении он соединяет народную традицию с письменной и вводит в литературу карельский народ в образе героя, который выступает в роли носителя традиций и самобытной духовной культуры². Литературовед Тамара Старшова также в своей статье 2005 г. о многотомном романе Николая Яккола писала именно как о произведении, отражающем карельскую культуру в широком смысле этого слова: «„На берегах Пирттиярви“ (*Pirttijärven rantamilla*) – первый объемный эпос, который указал дальнейший путь развития литературы, став примером национального романа. Он принес в литературу карельский дух, что проявляется в возникшем интересе к истории и характеру народа, его верованиям и образу жизни, к родной природе, культуре, традициям, языку, осознанию национальной самобытности»³.

К литературе, пронизанной карельским духом и локальностью, ассоциируемыми с крестьянским прошлым, молодое поколение писателей добавило альтернативный вариант, предложив читателям урбанистические тексты, связанные с современной локальностью. Арви Пертту в 2001 г. опубликовал «*Petroskoin symposiumi*» (Петрозаводский симпозиум), Евгений Богданов – «*Mielentiloja*» (Настроения, 2004), самым последним примером может служить сборник стихов Анисы Кеттунен и Кристины Коротких «*Pidätä hetkeksi hengitystä*» (Задержи на минуту дыхание, 2007). Произведения демонстрируют очевидный разрыв с ранней «национальной» литературой, отражающей сельскую локальность⁴.

В историческом романе «*Papaninin retkikunta*» (Папанинская экспедиция, 2006), созданном представителем более молодого писательского поколения Арви Пертту, по-новому описываются события локальной истории в Карелии. Вымышленный персонаж – американский финн, писатель-эмигрант Яакко Петтерссон – от первого лица рассказывает о репрессиях в Карелии в конце 1930-х гг., направленных против малых народов. Произведение отличается от того, что писалось о локальной истории в советский период, прежде всего, тем, что

¹ Kurki T. Kirjoitettu ja luettu kylä Neuvosto-Karjalan kirjallisuudessa // Seppo Knuuttila, Pekka Laaksonen, Ulla Piela (toim.). Paikka. Eletty, kuviteltu, kerrottu. Kalevala-seuran vuosikirja 85. Helsinki, 2006. S. 266–267.

² Tšikina N. Op. cit. S. 100.

³ Staršova T. Kansallisen kirjallisuuden klassikko // Carelia. 2005. N 4. S. 84.

⁴ Mishin A. Tuore tuulahdus Karjalan kirjallisuuteen // Karjalan Sanomat. 2007. 10 октября.

история предстает в нем более противоречиво и оценивается с разных позиций, а местное население изображается менее однородным и сплоченным, нежели прежде. Роман А. Пертту входит в тот ряд произведений литературы России и бывших советских республик, которые публиковались в постсоветский период и в которых рассматриваются и критически переоцениваются события недавней истории, в результате чего и формируется современный идентитет¹. По мнению критика Роберта Коломайнена, сквозь образы персонажей проступают героизм и предательство, жизненные идеалы и антиидеалы: «Так название „Papaninin retkikunta“ (*Папанинская экспедиция*) полностью отражает содержание романа. В первой части дан образец героического „папанинского“ поведения... в другой, большей по объему, части, представлено поведение, противоположное этому образцу... Названием „Papaninin retkikunta“ (*Папанинская экспедиция*) автор попадает в самую точку и в другом смысле: описанная в романе финская диаспора Петрозаводска – это своего рода „экспедиция“, оказавшаяся в чужой стране, в крайних условиях незнакомого общества „чужая группа“. Это общество даже суровее Арктики: карельских писателей-финнов расстреливали и гноили в лагерях...

„Papaninin retkikunta“ (*Папанинская экспедиция*) создана на высоком художественном уровне, исторически и психологически правдивый роман о реальных людях под вымышленными именами... Повествование от первого лица, исповедь Петтерссона не мешая объективному представлению действительности. Он видит и осознает свое неприглядное существование. Несмотря на дефицит совести и малодушие, он оказался способен критически мыслить. Появление в романе такого рассказчика представляется наиболее удачным решением в сравнении со всезнающим повествователем... В жизни всегда есть место обоим. Для папанинской экспедиции и для диаспоры. Для подвига и для подлости. Для героя и антигероя. Для чести и бесчестья»².

Финноязычная литература Карелии в советский период представляла собой некий форум, в котором писатели и читатели могли представить свой взгляд (правда, под контролем) на некоторые вопросы, в том числе на локальную историю, особенности местного (карельского) языка, народную жизнь, своеобразие повседневной жизни и культуры. Это был даже некоторым образом локальный форум, по крайней мере, в том смысле, что после 1950-х гг. финский язык все более

¹ Brown D. The Last Years of Soviet Russian Literature. Prose-Fiction 1975–1991. Cambridge, 1993. P. 5, 18.

² Kolomainen R. E. Elämässä on aina tilaa kummallekin... // Carelia. 2006. N 12. S. 110–111.

уходил из повседневной практики, однако установки национальной и языковой политики диктовали писать на финском языке и поддерживать финноязычную литературу наряду с русскоязычной. Благодаря государственной поддержке она продолжала довольно активное существование в Карелии вплоть до конца 80-х гг. XX в.

Именно сейчас, в начале XXI в., мы оказались свидетелями интересной ситуации, когда финский язык утратил роль «обязательного» в литературе. Она перестала быть объектом политической поддержки и уже явно потеряла свой статус форума, где бы обсуждались особенности локальности и даже проблемы национального самосознания. Интересно было бы узнать, возьмут ли на себя эти функции карелоязычные издания? Роберт Коломайнен в колонке главного редактора журнала «Carelia» в 2001 г. писал, что финский язык больше не является для карел необходимостью и они не считают его признаком национального своеобразия или средством национального самовыражения¹. С другой стороны, небезынтересно было бы проследить и альтернативный вариант развития финской литературы в Карелии, возможно, уже в какой-нибудь новой форме. Любопытно, какие функции и какая роль в культуре уготована ей в будущем?

¹ *Kolomainen R.* Luova kirjoittaminen – vähemmistökielen elinehto.